

**Социальные трансформации**

УДК 323.3(1\*RU)

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.11

# Самореализация vs семья: дилемма поколения Z в контексте демографической политики (на примере российского студенчества)

**Илья Эрнстович СТРЕЛЕЦ**

кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии  
Факультета управления и политики

Московский государственный институт (университет) международных  
отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;

научный сотрудник Отдела междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: sagitil@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3520-2502

**Денис Сергеевич МУХОРТОВ**

кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1  
Факультета международных отношений

Московский государственный институт (университет) международных  
отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;

научный сотрудник Отдела междисциплинарных исследований

Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)

Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418

E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8174-7055

**Алёна Сергеевна ЛЕПИЛИНА**

эксперт цифровой кафедры

Московский государственный институт (университет) международных  
отношений МИД России

проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454

E-mail: sharimaric@gmail.com

ORCID: 0009-0004-3853-6836

**Артём Владиславович ПАРЕНКОВ**

аспирант кафедры сравнительной политологии Факультета управления  
и политики

Московский государственный институт (университет) международных отношений МИД России  
проспект Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454;  
сотрудник

Фонд поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова  
Яковоапостольский переулок, д. 10, стр. 1, г. Москва, Российская Федерация,  
105064

E-mail: wtemik@yandex.ru  
ORCID: 0000-0003-1692-0410

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Стрелец И.С., Мухортов Д.С., Лепилина А.С., Паренков А.В. Самореализация vs семья: дилемма поколения Z в контексте демографической политики (на примере российского студенчества) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 2. С. 188–205. DOI: 10.31249/kgt/2025.02.11

Статья поступила в редакцию 10.12.2024.  
Исправленный текст представлен 05.04.2025.

**БЛАГОДАРНОСТЬ.** Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта «Инструменты повышения эффективности государственной политики по продвижению ценности семьи в студенческой цифровой среде» (государственный номер 124101700550-4) при ИНИОН РАН по итогам отбора научных проектов при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и ЭИСИ.

**АННОТАЦИЯ.** *Статья посвящена определению факторов, затрудняющих создание семьи и деторождение представителями молодого поколения, на примере студентов. Поиск решений проблем, связанных с реализацией демографической политики современной России, осуществляется с применением постпозитивистских подходов: агент-структурной модели, с позиций социального конструктивизма. На основании проведенного опроса методом стратифицированной выборки среди студентов бакалавриата и магистратуры (n = 304) Москвы, Владивостока, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Сургута, Чебоксар был сделан вывод о необходимости учитывать психологические и поколенческие факторы в процессе выработки решений в области демографической политики, которые на сегодняшний момент не принимаются во внимание. Высокая степень уверенности молодых людей*

*в завтрашнем дне (как детерминанта при анализе перспектив создания семьи) формируется на основе текущих прогнозов индивидов об их будущем материальном положении. Используемые же на данный момент финансово-экономические инструменты демографической политики не являются первопричиной для принятия положительного решения, а лишь косвенно способствуют формированию этой уверенности. В данной работе сформулированы предложения, способствующие переопределению общественного консенсуса относительно семантики образа успешного человека и понятия «успех», а также реформированию страха неопределенности будущего и использования его в качестве эмоционального триггера на этапе реализации выбора в пользу создания семьи и деторождения. Публикация материала призвана способствовать разработке новой, действенной стратегии демографической политики.*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** *институт семьи и брака, демографическая политика, ценность семьи, студенческая молодежь, поколение Z, социальный конструктивизм, постпозитивизм.*

Современные исследователи в области социальной психологии и политической социологии, включая авторов статьи, отмечают наличие серьезных изменений в аксиологии института семьи и брака [Ардельянова, Саидов, 2018; Стрелец, Мухортов, Маркова, 2024; Стрелец, Мухортов, Захарова, 2024]. В научной среде непрерывно подчеркивалась безотлагательность переосмысления существующих подходов к решению проблем демографии [Троцук, Парамонова, 2016], поскольку используемые государством механизмы поддержки семьи не всегда демонстрировали желаемую эффективность. А теперь и само государство обозначило как масштабность проблем, так и необходимость скорейшего их разрешения<sup>1</sup>.

В настоящем исследовании анализируется процесс восприятия соци-

ально-экономической реальности «зумерами» (методология описания этого поколения опирается на работы [Ditock, 2019; Радаев, 2020; Twenge, 2023]), то есть молодыми людьми, родившимися с 1999/2000 по 2010 год и обладающими определенными особенностями мышления и мировосприятия. В фокусе внимания были представители студенческой молодежи.

### Влияние социального пространства на ценностные установки молодежи

Социальные сети, мессенджеры и видеохостинги формируют виртуальную среду, которая на сегодняшний день представляет собой, в терминологии П. Бурдьё, социальное пространство [Бурдьё, 1993], тесно переплетенное с реальной средой. Будучи единым целым, оно вынуждает участников подчиняться негласному своду норм и правил взаимодействия, которые при этом находят в процессе постоянной трансформации [Сюнтюренко,

<sup>1</sup> Так, 15 марта 2025 г. распоряжением Правительства Российской Федерации была утверждена Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. В этом важнейшем документе дана максимально объективная оценка текущей ситуации в заявленной сфере.

В частности, указывается, что в процессе прохождения нынешнего «этапа демографического перехода» в Российской Федерации, как и во всех странах, наблюдается известный набор тенденций, и «эти процессы негативно отражаются на показателях естественного движения населения, с 2017 г. [в стране] наблюдается естественная убыль населения. <...> В 2006 г., когда разрабатывалась Концепция демографической политики, число женщин репродуктивного возраста составляло 39,4 млн. К 2023 г. оно снизилось до 34,2 млн, и, как показывает демографический прогноз Федеральной службы государственной статистики, эта тенденция сохранится до 2046 г. <...>

Сегодня преобладает такая модель жизненного цикла, когда молодые люди сначала реализуются в профессиональной сфере, добиваются финансовой самостоятельности и только потом принимают решения о создании семьи и рождении детей. <...>

Несмотря на достигнутые успехи по существенному снижению уровня бедности с 15,2% в 2006 г. до 8,3% в 2023 г. (за январь – сентябрь 2024 г. – 8,6%), недостаточные доходы значительной части семей, высокая степень закредитованности не позволяют принимать решения о рождении детей. При этом **потенциал влияния социальных мер на повышение благосостояния семей с детьми практически исчерпан, поэтому дальнейшую положительную динамику роста доходов необходимо будет обеспечить экономическими инструментами.** <...>

По данным прогноза Федеральной службы государственной статистики, увеличение числа женщин в возрасте 20–29 лет, на долю которых приходится 44% всех рождений, начнется только после 2026 г., при этом оно будет незначительное. Таким образом, ожидается долгосрочная тенденция снижения числа женщин репродуктивного возраста – до 33,2 млн в 2030 г., 31,1 млн в 2036 г., 27,4 млн в 2046 г. <...>

Уровень рождаемости имеет высокую региональную дифференциацию. При суммарном коэффициенте рождаемости в Российской Федерации, равном в 2023 г. 1,41, у 41 субъекта Российской Федерации уровень рождаемости ниже этого значения, а в 2 субъектах Российской Федерации уровень рождаемости имеет значение ниже 1. <...> Ценность рождения детей напрямую связана с ценностью брака. <...> Молодежь склонна к отдалению регистрации брака и проверке чувств совместным проживанием».

2015]. Отмечается, что оно реализует себя уже в качестве полноценного института социализации молодых людей, способного влиять на их поведение и идентичность [Айснер, Наумов, 2020].

Высокая реактивность и хаотичность информационного потока, особенно негативных новостей, создает у молодого поколения ощущение непостоянства и непредсказуемости будущего, что в конечном счете приводит к росту социальной тревожности [Adolescent Media Use..., 2022] и торможению репродуктивных намерений<sup>2</sup>.

Переход крупных социальных сетей и поисковиков к использованию алгоритмов персонализированных рекомендаций создал специфическую среду, в результате постоянного взаимодействия с которой подростки привыкли к автономной подстройке контента под их личные интеллектуальные потребности [Pariser, 2011], а значит, стали воспринимать ориентированность на собственное «я» и уважение их личных целей и ценностей остальными агентами коммуникации как норму. Вследствие этого произошло усиление индивидуалистской ментальности. Следует отметить, что изменение ценностно-смысловых ориентаций российской молодежи в направлении более эгоцентрических установок соотносится с общемировыми тенденциями [Горбунова, 2021].

Новый образ мышления стал постепенно превалировать в обществе постдемографического перехода, его главной «вирусной программой» стало изменение представлений целого поколения молодых людей о роли семьи в их жизни. Поиск ответа на вопрос «как изменить ситуацию?» требует небольшого погружения в первопричины, главной из которой следует назвать

развитие постструктурализма в середине XX в.

Одна из системообразующих идей постструктурализма – концепция «дифферанса» Ж. Дерриды – бросает вызов традиционному представлению о стабильном, познаваемом мире с четко закрепленными смыслами, отраженными в языке. Вместо этого она предполагает, что язык суть постоянно изменяющаяся система различий, где значение слова всегда неуловимо и «отсрочено», поскольку задается с помощью других слов, таким образом создавая рекурсию и неуловимость смыслов. Кроме того, дифферанс является одним из центральных понятий в рамках механизма деконструкции. В свою очередь, деконструкция, как один из присущих культуре постмодерна способов мышления, стремится раскрыть внутреннюю нестабильность и противоречия в текстах и системах мысли через демонстрацию того, что смысл чего-либо не является фиксированной категорией [Усовская, 2022].

Таким образом, стало проявляться разрушительное следствие социализации поколения Z в виртуальном мире – формирование деконструирующего, ироничного отношения к смыслу. Поколение, выросшее с постоянным доступом к Интернету, обладает немислимой на протяжении всей человеческой истории возможностью соприкоснуться с бесконечными, формирующимися стихийно потоками информации, где читатель одновременно является автором дискурса, где процесс конструирования значений и смыслов, как и интертекстуальность, фактически возведен в абсолют. Результат длительного взаимодействия с этой хаотичной средой выражается в двух категориях мышления постструктуралистского

2 Потомство откладывают на потом // Коммерсантъ. – 2024. – 16 сентября. – URL: [https://www.kommersant.ru/doc/7146467?from=doc\\_vrez](https://www.kommersant.ru/doc/7146467?from=doc_vrez) (дата обращения: 14.09.2024).

толка: постмодерне и метамодерне. С начала 2000-х годов в молодежной культуре происходит постепенный переход от первого типа ко второму [Усовская, 2018].

В своей статье «Записки о метамодернизме» культурологи Т. Вермелен и Р. ван ден Аккер охарактеризовали эту категорию как «срединную позицию» между иронией постмодерна (нигилистическое мировоззрение, сарказм, недоверие к «глобальным нарративам», предлагающим единственно верную, всеобъемлющую точку зрения на мир) и энтузиазмом модерна (утопизм, вера в человечество и торжество разума) [Vermeulen, van den Akker, 2010]. Это своего рода «прагматичный идеализм», при котором стремления и идеи модерна выглядят наивными и фанатичными, а деконструирующее мышление постмодерна – не в меру скептическим и вызывающим апатию.

Таким образом, метамодерн как тип мышления порождает парадоксальное двоемыслие, одновременную веру в идею и ее отрицание: открыто признавая, что у человечества нет конечной цели, он черпает вдохновение из навеянной модерном веры в лучшее будущее и прогресс, стремясь построить его по наилучшему из сценариев.

Постмодерновые категории мышления предполагают, что смысл, ранее обладавший самооценностью для человека, прекращает занимать центральное место в его жизни в результате постоянного неосознанного применения механизмов деконструкции. Человеку постмодерна присущ своего рода «социальный нигилизм», подразумевающий разрушение существующей системы, – будь то моральные, культурные или социальные нормы, без предло-

жения надлежащих альтернатив [Лискарёв, 2019].

При таком подходе к мышлению прослеживается пренебрежение к ценности самой категории смысла: что угодно может стать объектом циничного глумления, ценность любой точки зрения сводится к нулю. Однако с учетом постулата К.Г. Юнга о том, что для человека архетип смысла является неотъемлемой частью его психики [Юнг, 2019], отрицание ценности смысла и его утеря создают своеобразный смысловой голод, приводящий к различного рода психическим заболеваниям. Французский философ Ж. Липовецки описывал такое состояние как «метания между гедонистическим экстазом и экзистенциальным ужасом» [цит. по: Vermeulen, van den Akker, 2010].

Мышление метамодерна, напротив, характеризуется возвращением обратно к самооценности смысла, что является своеобразной попыткой человеческой психики заполнить смысловой и ценностный голод, появляющийся в результате постоянного применения деконструкции в отношении явлений окружающего мира. Таким образом появился и феномен «новой искренности», который используют в своей деятельности специалисты по работе с общественностью [Стулова, 2020].

Согласно исследованиям политтехнолога Е.Н. Минченко, поколению Z наиболее всего свойственен именно метамодерн как стиль мышления<sup>3</sup>. С учетом стоящих перед демографической политикой государства задач это можно назвать позитивной тенденцией: уход от тотального пренебрежения смыслом свидетельствует о существовании более благоприятной

3 Информационные операции и нарративы сторон Украинского кризиса. Лекция Е.Н. Минченко в МГИМО. 16 июня 2022 г. // Youtube [Electronic source]. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=js13eJpMggo> (дата обращения: 14.09.2024).

среды для распространения семейных ценностей, чем повсеместная, всеобъемлющая ирония и отрицание постмодерна<sup>4</sup>.

Однако важно иметь в виду, что грань между иронией и реальностью в метамодерновом сознании молодежи невероятно тонка, и любой смысл, обладающий самооценностью для индивида, рискует подвергнуться иронизированию. Кроме того, в условиях невозможности внедрения «большой идеологии» носители данных смыслов становятся носителями «мини-идеологий» (процесс перехода от «большой идеологии» к «мини-идеологиям» в российских реалиях рассмотрен в работах О.Ю. Малиновой, в частности в [Малинова, 2014]), порою не совпадающих или даже конкурирующих между собой. В результате общественное сознание наводняется множеством смыслов, каждый из которых может быть ценен для одного индивида, но не нести никакой ценности для другого. Данный фактор необходимо не просто учитывать, а придавать ему первостепенное значение.

Проблема трансформации ценности семьи в контексте метамодернового мышления имеет ряд аспектов.

Прежде всего, наблюдается разрыв в мировоззрении между поколением, формирующим и реализующим молодежную и демографическую политику (мышление модерна), и целевой аудиторией этой политики – молодежью (метамодерн).

Централизованные, «нисходящие» призывы со стороны государства к созданию семьи и рождению детей воспринимаются молодыми людьми как чуждые, непонятные, а потому рассматриваются сквозь призму иронии

и постиронии, свойственную представителям поколения Z. Прямые попытки «пристыдить» молодежь за индивидуалистические установки или желание реализовать собственные жизненные цели расцениваются как нападки на их идентичность и ценности, подчеркивание их неполноценности, что в конечном счете приводит к негативным последствиям, включая снижение уровня доверия к государственным институтам.

### Материалы эмпирического исследования

В рамках настоящего исследования методом анкетирования был проведен опрос, основной целью которого было получение подтверждения правомочности вышеизложенных тезисов, а также поиск путей решения обозначенной проблемы. Среди прочего были собраны сведения об отношении респондентов как к аспектам материального благополучия, так и психологическим аспектам репродуктивного поведения.

Опрос проводился анонимно, анкета включала в себя 13 закрытых вопросов по обоим из обозначенных ранее аспектов. Поиск респондентов осуществлялся методом стихийного отбора через рассылку представителям учебных заведений в вошедших в выборку городах, которые отбирались по принципу доступности на момент проведения исследования. Важным критерием при этом был охват различных регионов по уровню социально-экономического развития, благосостояния населения и численности проживающих в нем граждан (по классификации Ю.Л. Пивоварова, города-миллионники, крупнейшие, крупные города). Во-

4 В последнем случае было бы фактически невозможно перейти через «ментальный барьер» индивида, который он сформировал в ходе постоянной деконструкции смыслов, постепенно ставшей его стандартным паттерном мышления.

просы предполагали возможность выбора ответа.

В опросе приняли участие 304 человека – студенты бакалавриата и магистратуры. Более половины опрошенных (52,3%) проживают в г. Москве, еще 29,6% – в столицах регионов России. На Санкт-Петербург приходится 9,5% опрошенных, на малые города – 8,6%. Распределение занимающихся только учебой и совмещающих работу и учебу выражено примерно поровну: 47,4 и 52,6%. Соотношение учащихся младших курсов, старших курсов бакалавриата и магистратуры практически находится в равных пропорциях.

Подавляющее большинство опрошенных (73,7%) оценивают государственную политику России в области демографии как местами давящую и требовательную по отношению к молодежи. Только 13,5% считают проводимую политику достаточной и 12,8% полагают, что она проводится недостаточно активно.

Аспект психологического восприятия демографической политики был подкреплен также дополнительным вопросом об эмоциях, которые у опрошенных вызывают новые инициативы. Так, у 33,2% данная политика вызывает гнев и отрицание, у 30,9% – беспокойство. 22,4% респондентов равнодушны к принимаемым инициативам и только у 13,5% проводимая ныне политика вызывает одобрение. Таким образом, 64,1% испытывают отрицательные эмоции при восприятии проводимой на данном этапе политики.

При перечислении факторов, отталкивающих от создания семьи, молодым людям предлагалось выбрать несколько наиболее значимых персонально для них. Были названы экономические трудности (76,3% опрошенных), неуверенность в будущем (63,5%) и труд-

ности с поиском партнера (55,6%). Несколько менее важной стала необходимость фокусироваться на карьере (52,3%). Среди факторов, наименее значимых для молодых людей, – стремление сохранить личную свободу (40,5%) и нежелание брать ответственность (20,1%).

Отдельно затронутые вопросы об отношении к семье и детям показали следующий результат: для абсолютного большинства опрошенных – 85,5% – семья является опорой и только для 14,5% – бременем.

Противоположная картина наблюдается при отношении к идее деторождения: 61,5% не считают, что дети являются инвестицией в будущее, против 38,5%, согласившихся с данным утверждением. При этом большинство респондентов допускают деторождение в перспективе: 46,1% – в течение 10–15 лет, еще 17,1% рассматривают такую возможность в ближайшее время, 24,7% не выразили точной уверенности и только 12,2% выразили однозначный отказ.

Проведенный опрос также ставил целью выявить основные пути решения молодыми людьми проблемы «персоны» в юнгианском понимании – как образа себя, предъявляемого окружающим, без того, что скрывается от социума – тени.

Первостепенным «критерием успешности» человека оказалась материальная обеспеченность (77,6%). Вторым по значимости – дружная семья (60,2%), третьим – духовность (48%). Чуть меньше баллов набрала ориентация на карьерный рост (43,8%), еще ряд опрошенных посчитали, что внешние критерии не играют роли (28,3%). Наименьшее признание получили критерии известности (11,2%), популярности у противоположного пола (3,6%), наличия ребенка (3,6%) или множества детей (4,6%).

## Интерпретация результатов

Выбор молодых людей в пользу духовности и отношения к семье как к опоре свидетельствует о высоком значении для них ценности семьи и готовности вступать в брак. Кроме того, не наблюдается однозначного отказа от деторождения, большинство опрошенных (суммарно 63,2%) готовы завести детей, однако не обязательно в краткосрочной перспективе. Основными причинами отложенного деторождения являются потенциальные экономические трудности в случае создания семьи и неуверенность в собственном будущем. В целом данная тенденция соотносится с особенностями второго демографического перехода, при котором возраст рождения первого ребенка повышается.

Парадоксален тот факт, что само по себе наличие детей на сегодняшний день всё еще не является атрибутом личного успеха (суммарно лишь 8,2% опрошенных указали на этот критерий), а дружная семья фигурирует на 2-м месте среди его основных атрибутов.

В сознании современного студенчества наблюдается психологическое разделение «семьи прошлого», в которой молодые люди выросли сами, и «семьи будущего», которую они потенциально могут создать.

На отсутствие преимущества в концепте семьи указывает и то, что подавляющее большинство воспринимает семью как опору, а не как бремя, но при этом около 62% респондентов не считают рождение детей инвестицией в будущее (то есть оно потенциально может оказаться обременительным и «нерентабельным»), что отчасти создает логическую коллизию.

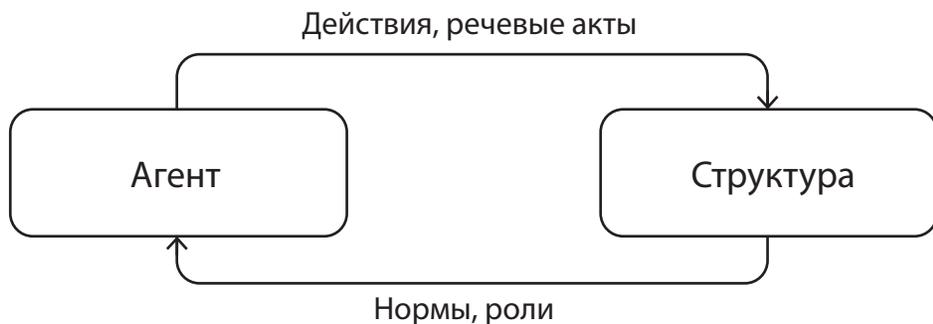
Опрос показывает неудовлетворенность большинства респондентов демографической политикой, прово-

димой государством. Молодые люди видят ее давящей и требовательной, что при соотнесении с факторами, препятствующими деторождению, формирует в их сознании картину, в которой государство принуждает заводить детей в неподходящих для этого экономических условиях при существовании высоких социальных стандартов, предполагающих наличие у молодых родителей стабильной материальной обеспеченности, достижение которой на самом деле требует колоссальных временных и трудовых вложений. Нереалистичность ожиданий государства выражается в эмоциях гнева и беспокойства, неуверенности в будущем, в конечном счете приводя к еще большему оттягиванию момента рождения первого ребенка. Данная особенность может свидетельствовать о том, что проводимая демографическая политика всё еще не учитывает психологию молодого поколения.

## Взаимодействие зумера и общества с точки зрения агент-структурного подхода

В поисках понимания сложившейся ситуации предлагается рассматривать систему отношений между представителем поколения Z и обществом постдемографического перехода с точки зрения агент-структурного подхода, фундаментальной теоретической модели в рамках социального конструктивизма.

Согласно данной парадигме, социальные конструкты, представляющие собой совокупность разделяемых в обществе идей, норм и ценностей, оказывают существенное влияние на поведение индивидов как социальных агентов. В свою очередь, действия агентов способствуют трансформации самих конструктов, возникает динамичная ситуация взаимного консти-



**Рисунок 1.** Модель агент-структурного подхода

**Figure 1.** Agent-structured approach model

**Источник:** выполнено авторами.

туирования социальной реальности [Wendt, 1987]. При этом они не только определяют поведение индивидов, но и в долгосрочной перспективе влияют на идентичность, ценностные ориентации и социальные установки агентов (в социологии подобный подход описан в теории структуриации Э. Гидденса [Giddens, 1979]).

Модель агент-структурного подхода схематично изображена на рисунке 1.

В рамках указанного подхода можно выделить два основных измерения взаимодействия, каждое из которых имеет особую специфику в условиях высокого уровня жизни и социального благополучия в государстве<sup>5</sup>.

1) **Фактор структуры.** С целью описания эффекта давления внешней среды на индивида обратимся к аналитической психологии, а именно к понятию *персоны*, сформулированному К.Г. Юнгом. Согласно теории бессознательного, персона, представляющая из себя элемент коллективной психики, – это маска человека, образ себя, кото-

рый он являет миру. Это своеобразный компромисс между индивидом и обществом в споре о том, как должен выглядеть человек, какова его роль, какие функции он должен выполнять в обществе [Юнг, 2021]. Некоторые индивиды имеют склонность посвящать ее проработке значительную часть своей жизни, «вытачивая» социально приемлемый образ себя.

Современное общество накладывает на индивида определенные ожидания, создает социальное давление, выраженное в необходимости подходить под определенный стандарт. В терминах П. Бурдьё, «происходит символическое насилие» – навязывание категорий восприятия и мышления, легитимизирующих существующие социальные нормы и порядок [Bourdieu, Passeron, Nice, 1977].

Общественное давление выражается в необходимости обладать «достаточными атрибутами» для создания семьи, планка которых в условиях общества с высоким уровнем жизни

5 В данном случае учитывается закономерность в рамках второго демографического перехода, согласно которой в результате трансформации модели экономики видоизменяются и стимулы к деторождению, предпочтительным становится позднее деторождение и создание семьи с одним-двумя детьми.

находится достаточно высоко. Более того, общественные ожидания подразумевают необходимость обеспечить достойное будущее и ребенку: не только удовлетворить его материальные нужды, но и дать качественное образование. Таким образом, достижение приемлемого уровня дохода для соответствия этим «требованиям» становится долгосрочной задачей.

Их осознание индивидом приводит к явлению, которое мы называем «проблемой персоны». Она заключается в том, что под влиянием высоких социальных ожиданий, культа карьеры, продуктивности и самодостаточности молодые люди склонны откладывать рождение ребенка, полагая, что оно может воспрепятствовать обеспечению соответствия социальным требованиям, подпадающим под категорию успеха.

**2) Фактор личности.** Благоприятная социально-экономическая ситуация в стране и высокий уровень доступности ресурсов создают беспрецедентные возможности для самореализации. Выживание, являвшееся первостепенной задачей для предыдущих поколений, уступает место потребностям высшего порядка: наблюдается масштабный переход от базовых физиологических потребностей к потребностям в самоактуализации и раскрытии личностного потенциала. Для современной молодежи самореализация, достижение индивидуальных целей и удовлетворение собственных желаний становятся ключевыми ценностными ориентирами. Примечательно, что эти ценности не просто дополняют базовые потребности, а формируют новый уровень социальной нормы, приобретая абсолютный характер.

В этой системе ценностей создание семьи и рождение детей могут восприниматься как необязательный элемент или даже как препятствие на пути к са-

мореализации. Уход за детьми предполагает значительные временные, финансовые и эмоциональные затраты, которые могут вступать в конфликт с гедонистическими установками и стремлением «жить для себя».

Таким образом, в сознании молодых людей с ярко выраженными индивидуалистическими установками идея создания семьи приобретает негативную коннотацию, ассоциируется с потерей свободы и ограничением возможностей для самореализации.

В этом двустороннем взаимодействии индивид оказывается зажат между тисками своих собственных (как правило, эгоистических) намерений и мотивов и ожиданиями общества, которые оно на него налагает. Поведение человека в обществе является синтезом этих двух переменных в разных пропорциях. При этом в указанную двусоставную систему общественных отношений не вписывается создание семьи.

Психологические процессы воображения будущих сценариев и оценки их предполагаемого воздействия на эмоции индивида отражены в концепции аффективного прогнозирования, предложенной психологами Т. Вильсоном и Д. Гильбертом [Wilson, Gilbert, 2003]. В случае визуализации негативного сценария тревога из-за неизвестности, «тьнь будущего» оказывают психологическое давление на индивида, задают эмоциональный триггер, в результате которого он склонен предпринимать действия для самоуспокоения (как правило, с целью предотвращения неблагоприятного исхода).

При этом изменение представлений в сознании индивида о протекающих в объективной реальности процессах возможно и без действительных перемен в ней. О феномене не соответствующей реальности «картинки в голове»

писал У. Липманн [Lippmann, 2017] еще в первой половине XX в. или в конце XX в. Ж. Бодрийяр в работах, посвященных симулякрам (например, [Бодрийяр, 2017]).

## Выводы и замечания

Интерпретативистский (постпозитивистский) подход позволяет взглянуть на проблему принятия решений о создании семьи с принципиально новой, нетривиальной позиции. Так, объективные результаты мер поддержки семей со стороны государства проходят через фильтр оценочных суждений индивидов, изменяя и дополняя их представления о том, действительно ли они готовы к созданию семьи. Окончательное решение принимается с опорой на умозрительные представления индивидов о собственном финансовом положении в текущий момент и в будущем. При этом оценки собственного благополучия могут склоняться в позитивном или негативном направлении даже при отсутствии любых изменений в своем финансовом положении в объективной реальности, например при чтении прогнозов об инфляции или росте ключевой ставки. Даже в ситуации, когда реализация этого конкретного негативного сценария не может быть гарантирована, индивид снижает оценку собственной финансовой устойчивости в силу инфляционных ожиданий и лишь предполагаемого роста цен на жилье.

Реализуемые на данный момент в России инициативы демографической политики в сфере финансовой поддержки семей показывают определенную эффективность прежде всего потому, что они опосредованно воздействуют на психологический компонент проблемы создания семьи, а именно смягчают страх потенциальных материальных сложностей

и неопределенности в будущем. Таким образом, посредством косвенного психологического воздействия нивелируется эффект «аффективного прогнозирования» негативных сценариев, связанных с созданием семьи. В условиях, когда именно интерпретации настоящего и сложившийся на их основе образ будущего (а не объективная реальность) детерминируют создание семьи, экономические меры поддержки являются лишь прокси-элементом в формуле изменения репродуктивных установок, на которые потенциально можно воздействовать и напрямую, с помощью нефинансовых инструментов.

Схемы мышления и стратегии действия индивидов, формируемые в ходе социализации («габитус» в терминах П. Бурдьё), могут подвергаться изменениям [Бурдьё, 1998]. Поэтому решение о целесообразности рождения ребенка может стать следствием воздействия на представления молодых людей о стабильном будущем через смещение акцентов на позитивные долгосрочные аспекты создания семьи, понятные и близкие самой молодежи. Основным продвигаемым нарративом в таком случае может и должна стать тема «создание семьи – не преграда, а надежный путь к личному успеху».

Проведенный анализ указывает на то, что инструментарий для реализации действенных мер демографической политики гораздо шире, чем используемый в данный момент государством. Значительная часть задач и методов с нереализованным потенциалом лежит в области психологии и работы с общественностью.

Меры социально-экономической поддержки сами по себе к существенному повышению рождаемости не приведут, поскольку финальное решение принимается на уровне человеческого сознания и абстрактного планирова-

ния, «отгороженного» от реальности большим количеством искажений. Если же существующие в сознании установки способствуют воображению негативных сценариев для будущей семьи, то вне зависимости от ситуации в объективной реальности положительного решения принято не будет.

## Заключение

Учитывая вышесказанное, государству требуется уделить серьезное внимание фактору формирования правильного восприятия зумером себя нынешнего и будущего – таким образом можно спрогнозировать появление позитивных изменений в его репродуктивном поведении.

При этом если за основу в процессе преодоления психологических препятствий к созданию семьи взять диаду, которая восходит к ранее упомянутой двусоставной агент-структурной модели (1) страх не соответствовать внешним стандартам успеха, сформированным у индивида в процессе взаимодействия с обществом, и 2) страх подорвать реализацию собственных целей и желаний из-за почти гарантированного снижения дохода после рождения ребенка), то можно выйти на две базовые детерминанты «образа будущего» молодых людей: страх и успех. Именно они становятся целевыми категориями воздействия, ибо именно ими оперируют индивиды при прогнозировании потенциальных последствий текущей социально-экономической конъюнктуры и деторождения для своего будущего благополучия.

Соответственно, если через набор правильных PR-механизмов выйти на то, чтобы семья по определению рассматривалась молодыми людьми как опора, способствующая реализации собственных целей, и как способ избежать одиночества, то она преоб-

разовывается в позитивный фактор в вышеописанной логике рассуждения, что в конечном счете с большей вероятностью приведет к принятию положительного решения о деторождении. Если государству удастся рационализировать в сознании молодежи создание собственной семьи по любому из двух направлений (или через переопределение внешних критериев успеха, что станет мотивацией с точки зрения структуры, или же через нарратив о том, что семья помогает достигать собственных целей, а не препятствует им – мотивация с точки зрения агента), то к социально-экономическим мерам реализации демографической стратегии добавится ключевой – психологический – компонент, который будет способствовать ее максимальной эффективности.

Другими словами, если при проведении демографической политики сместить фокус на работу с этим новым компонентом восприятия и прогнозирования в вышеописанной последовательности, возможно, удастся избежать усиления негативных «проекций» своего будущего у молодых людей в случае создания семьи.

Показателем эффективности является способность государства восстанавливать и поддерживать уверенность молодых ребят, особенно состоящих в браке, в стабильном будущем. И в данной связи, помимо финансовых, значимы другие параметры, связанные с интерпретацией объективной реальности (информационный фон, позитивные или негативные экономические прогнозы, гендерное равенство на рынке труда и гибкость трудового законодательства), за счет которой можно достигать равновесного распределения времени в семье на уход за ребенком.

С учетом нынешней геополитической ситуации подобная модель пове-

дения со стороны государства может казаться маловероятной, однако если изменить объективную реальность практически невозможно, то перестроить и осмысленно, целенаправленно корректировать информационную политику, как, например, доказывает многолетний опыт Китая, возможно вполне – речь идет именно о работе с конструктами и установками.

Государство может взять ориентир на изменение социальных ожиданий и переопределение категории успеха в общественном поле, продвижение нарратива «дети – инвестиция в будущее» и установки «собственная семья – неизменный атрибут успешного человека, поддержка и опора в ситуациях сложных вызовов, непредсказуемости, множественного выбора, которыми сопряжена жизнь молодого человека».

При продвижении указанных ценностей следует учитывать невозможность существования «государственной идеологии» среди представителей поколения Z. Создание семьи и рождение детей должно коррелировать с личными целями молодых людей. Продвигаемые нарративы важно соотносить с индивидуальными ценностями, стереотипами потребительского поведения, с использованием маркетинговых ходов, разработанных в сфере товарной рекламы, а не навязывать в качестве общих в форме социального должностования, иначе это работать не будет. Эта задача представляется нелегкой, как и непростым является вопрос о том, каким образом можно установить каналы обратной связи с разными группами студенческой молодежи (по видам досуга, уровню образования, поло-возрастным особенностям), чтобы выделяемые под очередной нацпроект по демографии средства приносили максимальную отдачу в виде решения первоочередной задачи. Однако если подобные испытания оказываются

преодолимыми для полуторамиллиардного Китая, то и для России с населением в 150 млн, из которых студентов несколько больше 4 млн, тоже посильно.

## Список литературы

Айснер Л.Ю., Наумов О.Д. Цифровая среда как социальное пространство // Наука и образование: опыт, проблемы, перспективы развития. – Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2020. – С. 319–321.

Ардельянова Я.А., Саидов Б.Ш. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 4. – С. 32–36.

Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было : пер. с франц. – Москва : Рипол Классик, 2017. – 224 с.

Бурдые П. Социальное пространство и символическая власть // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 137–150.

Бурдые П. Структура, габитус, практика // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 44–59.

Горбунова Н.В. Трансформация семейных ценностей российской молодежи в современном обществе // Социально-демографический потенциал российской молодежи : Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Ялта, 22–24 апреля 2021 г.) / отв. ред. Т.К. Ростовская. – Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. – С. 45.

Малинова О. Духовные скрепы // Россия в глобальной политике. – 2014. – Т. 12, № 5. – С. 113–122.

Пискарёв П.М. Человек метамодерна // Актуальные проблемы психологического знания. – 2019. – № 3–4 (52). – С. 48–63.

Радаев В.В. Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое

обоснование (Первая часть) // Социологический журнал. – 2020. – №3. – С. 30–63.

Стрелец И.Э., Мухортов Д.С., Захарова Е.А. О роли цифровой студенческой среды в решении демографической проблемы современной России // Сборник науч. трудов Всероссийской научно-практической конференции «Изучение Российской государственности как основа патриотического воспитания молодежи» 25–26.04.2024 – Москва : Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2024. – С. 114–119. – DOI: 10.37791/978-5-4257-0668-3-2024-1-168.

Стрелец И.Э., Мухортов Д.С., Маркова Ю.С. Роль образовательной среды вуза в формировании ценности семьи: оценка российского студенчества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 586–599. – DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-586-599.

Стулова Е. Четыре всадника информационного апокалипсиса / под ред. Е. Сучкова. – Екатеринбург : Лазурь, 2020. – 112 с.

Сумская А.С., Сумской П.Ф. Мультимедийный сторителлинг как инструмент формирования «духовных скреп» российской молодежи // Журналистский текст в новой технологической среде: достижения и проблемы. – Челябинск : Челябинский государственный университет, 2019. – С. 320–324.

Сютюренко О.В. Цифровая среда: тренды и риски развития // Научно-техническая информация. Серия 1: Организация и методика информационной работы. – 2015. – № 2. – С. 1–7.

Троцук И.В., Парамонова А.Д. «Статус» института семьи в современном обществе и семейно-брачные ценности молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Социология. – 2016. – № 3. – С. 542–558.

Усовская Э.А. Другой в постмодернистском концепте «дифферанс» Жака Деррида // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2022. – № 47. – С. 132–138. – DOI: 10.17223/22220836/47/11.

Усовская Э.А. Социокультурные условия зарождения постмодернизма // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2018. – № 8 (41). – Ч. 2. – DOI: 10.17223/22220836/47/11.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное : пер. с нем. – Москва : АСТ, 2019. – 496 с.

Юнг К.Г. Отношения между эго и бессознательным : пер. с нем. – Москва : АСТ, 2021. – 320 с.

Adolescent Media Use: Attitudes, Effects, and Online Experiences / Bickham D.S., Hunt E., Bediou B., Rich M. – Boston, MA : Boston Children's Hospital Digital Wellness Lab, 2022. – 39 p. – URL: <https://digitalwellnesslab.org/pulse-surveys/adolescent-media-use-attitudes-effects-and-online-experiences/> (дата обращения: 10.10.2024).

Bourdieu P., Passeron J.C. Reproduction in Education, Society, and Culture : Transl. into English. – London, Beverly Hills, CA : SAGE Publications, 1977. – 254 p.

Dimock M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins // Pew Research Center. – 2019. – Vol. 17, N 1. – P. 1–7.

Giddens A. Agency, Structure // Central Problems in Social Theory. – London : Palgrave, 1979. – P. 49–95. – DOI: 10.1007/978-1-349-16161-4\_3.

Lippmann W. Public Opinion. – [S. l.] : Routledge, 2017. – 352 p.

Pariser E. The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You. – New York : The Penguin Press, 2011. – 294 p.

Twenge J.M. Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What

They Mean for America's Future. – [S. l.] : Simon and Schuster, 2023. – 560 p.

Vermeulen T., van den Akker R. Notes on Metamodernism // Journal of Aesthetics & Culture. – 2010. – Vol. 2, Issue 1. – Article 5677. – DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.

Wendt A.E. The Agent-Structure Problem in International Relations Theory

// International Organization. – 1987. – Vol. 41, N 3. – P. 335–370. – DOI: 10.1017/S002081830002751X.

Wilson T.D., Gilbert D.T. Affective Forecasting // Advances in Experimental Psychology. – 2003. – Vol. 35. – P. 345–411. – DOI: 10.1016/S0065-2601(03)01006-2.

## Social Transformations

DOI: 10.31249/kgt/2025.02.11

# Self-realization vs. Family: The Generation Z Dilemma in the Context of Demographic Policy (The Case of Russian Students)

## Ilya E. STRELETS

PhD (Political Sciences), Associate Professor, School of Politics and Governance  
MGIMO University

Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454;

Researcher, Department of Interdisciplinary Research

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of  
Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: sagitil@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3520-2502

## Denis S. MUKHORTOV

PhD (Philology), Associate Professor, School of International Relations  
MGIMO University

Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454;

Researcher, Department of Interdisciplinary Research

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of  
Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8174-7055

## Alena S. LEPILINA

Expert at the Digital Department

MGIMO University

Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454  
E-mail: sharimagic@gmail.com  
ORCID: 0009-0004-3853-6836

### **Artem V. PARENKOV**

PhD Student, School of Politics and Governance  
MGIMO University  
Vernadsky Avenue, 76, Moscow, Russian Federation, 119454;  
Project Manager  
The A.M. Gorchakov Public Diplomacy Fund  
Yakovoapostolsky Pereulok, 10 bld.1, Moscow, Russian Federation, 105064  
E-mail: wtemik@yandex.ru  
ORCID: 0000-0003-1692-0410

**CITATION:** Strelets I.E., Mukhortov D.S., Lepilina A.S., Parenkov A.V. (2025). Self-realization vs. Family: The Generation Z Dilemma in the Context of Demographic Policy (The Case of Russian Students). *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 2, pp. 188–205 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.02.11

Received: 10.12.2024.

Revised: 05.04.2025.

**ACKNOWLEDGEMENT.** The article was prepared within the framework of the scientific project “Tools for Improving the Efficiency of State Policy on Promoting the Value of Family in the Student Digital Environment”, state number 124101700550-4, at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), following the selection of scientific projects with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and EISR.

**ABSTRACT.** *The article focuses on socio-psychological factors that hinder family formation and childbearing practices among young people, including students. The search for solutions to the challenges associated with the implementation of modern Russia’s demographic policy in the youth and student environment is carried out using an agent-structural model from the standpoint of social constructivism. Based on a stratified sampling survey of undergraduate and graduate students (n = 304) from Moscow, Vladivostok, Nizhny Novgorod, St. Petersburg, Surgut, and Cheboksary, it is concluded that the generational factor is of paramount importance in planning and creating a family, which is currently overlooked by demographic policy planners. The socio-economic tools currently proposed and applied*

*serve only as an intermediate link in shaping young people’s sense of confidence in the future, which is in fact a prerequisite for starting a family. Uncertainty about the future and concerns regarding the well-being of potential children are significant factors influencing respondents’ reproductive intentions. The study puts forward proposals that could transform Generation Z’s underlying anxiety and reframe their fear of an uncertain future, using it as an emotional trigger to reset decision-making mechanisms. This publication contributes to the development of the current demographic agenda.*

**KEYWORDS:** *institution of family and marriage; demographic policy; family value; student youth; generation Z; social constructivism; post-positivism.*

## References

- Adolescent Media Use... (2022). Bickham D.S. et al. *Adolescent Media Use: Attitudes, Effects, and Online Experiences*. Boston, MA: Boston Children's Hospital Digital Wellness Lab, 39 pp. Available at: <https://digitalwellnesslab.org/pulse-surveys/adolescent-media-use-attitudes-effects-and-online-experiences/>, accessed 10.05.2024.
- Aisner L.Yu., Naumov O.D. (2020). Digital Environment as a Social Space. In: *Science and Education: Experience, Problems, Development Prospects*. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, pp. 319–321 (in Russian).
- Ardel'janova Ja.A., Saidov B.Sh. (2018). Factors and conditions of infantilization of modern youth. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. No. 4, pp. 32–36 (in Russian).
- Baudrillard J. (2017). *The Spirit of Terrorism. The Gulf War Did Not Take Place*. Moscow: Ripol Klassik, 224 pp. (transl. into Russian).
- Bourdieu P. (1993). Social Space and Symbolic Power. *Thesis*. Issue 2, pp. 137–150 (in Russian).
- Bourdieu P. (1998). Structure, Habitus, Practice. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. Vol. 1, no. 2, pp. 44–59 (in Russian).
- Bourdieu P., Passeron J.C. (1977). *Reproduction in Education, Society, and Culture*. London, Beverly Hills, CA: SAGE Publications, 254 pp. (transl. into English).
- Dimock M. (2019). Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins. *Pew Research Center*. Vol. 17, no. 1, pp. 1–7.
- Giddens A. (1979). Agency, Structure. In: *Central Problems in Social Theory. Contemporary Social Theory*. London: Palgrave, pp. 49–95. DOI: 10.1007/978-1-349-16161-4\_3.
- Gorburnova N.V. (2021). Transformation of family values of Russian youth in modern society. In: Rostovskaya T.K. (ed.). *Socio-demographic Potential of Russian Youth: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yalta, April 22–24, 2021)*. Moscow: FNISC RAS, p. 45.
- Lippmann W. (2017). *Public Opinion*. S. l.: Routledge, 352 pp.
- Malinova O. (2014). Spiritual Bonds. *Rossiya v global'noy politike*. Vol. 12, no. 5, p. 113–122 (in Russian).
- Pariser E. (2011). *The Filter Bubble: What the Internet Is Hiding from You*. New York: The Penguin Press, 294 pp.
- Piskarev P.M. (2019). The Person of Metamodernity. *Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya*. No. 3–4 (52), pp. 48–63 (in Russian).
- Radaev V.V. (2020). The Millennial Generation Split: Historical and Empirical Justification (Part One). *Sotsiologicheskii Zhurnal*. No. 3, pp. 30–63 (in Russian).
- Siunturenko O.V. (2015). Digital Environment: Trends and Risks of Development. *Nauchno-tekhnicheskaya informatiya. Seriya 1: Organizatsiya i metodika informatsionnoy raboty*. No. 2, pp. 1–7 (in Russian).
- Strelets I.E., Mukhortov D.S., Markova Ju.S. (2024). The Role of the University Educational Environment in the Formation of Family Values: An Assessment of Russian Students. *Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. Vol. 24, no. 3, pp. 586–599 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-3-586-599.
- Strelets I.E., Mukhortov D.S., Zakharova E.A. (2024). On the role of the digital student environment in solving the demographic problem of modern Russia. In: *Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference "Study of Russian statehood as a basis for patriotic education of youth"*, April 25–26, 2024. Moscow: Moscow Financial and Industrial University "Synergy", pp. 114–119 (in Russian). DOI: 10.37791/978-5-4257-0668-3-2024-1-168.

Stulova E. (2020). *Four Horsemen of the Information Apocalypse*. Yekaterinburg: Lazur', 112 pp. (in Russian).

Sumskaia A.S., Sumskoii P.F. (2019). Multimedia Storytelling as a Tool for the Formation of "Spiritual Bonds" of Russian Youth. In: *Journalistic Text in the New Technological Environment: Achievements and Problems*. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, pp. 320–324 (in Russian).

Trotsuk I.V., Paramonova A.D. (2016). "Status" of the family institution in modern society and family and marriage values of youth. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Sociologija*. No. 3, pp. 542–558 (in Russian).

Twenge J.M. (2023). *Generations: The Real Differences Between Gen Z, Millennials, Gen X, Boomers, and Silents – and What They Mean for America's Future*. S. I.: Simon and Schuster, 560 pp.

Usovskaya E.A. (2018). Socio-Cultural Conditions for the Birth of Postmodernism. *Vestnik RGGU. Seriya "Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie"*. No. 8 (41), part 2 (in Russian).

Usovskaya E.A. (2022). The Other in the Postmodern Concept of "Difference" by Jacques Derrida. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*. No. 47, pp. 132–138 (in Russian). DOI: 10.17223/22220836/47/11.

Vermeulen T., van den Akker R. (2010). Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*. Vol. 2, issue 1, article 5677. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677.

Wendt A.E. (1987). The Agent-Structure Problem in International Relations Theory. *International Organization*. Vol. 41, no. 3, pp. 335–370. DOI: 10.1017/S002081830002751X.

Wilson T.D., Gilbert D.T. (2003). Affective Forecasting. *Advances in Experimental Psychology*. Vol. 35, pp. 345–411. DOI: 10.1016/S0065-2601(03)01006-2.

Jung K.G. (2019). *Archetypes and the Collective Unconscious*. Moscow: AST, 496 pp. (transl. into Russian).

Jung K.G. (2021). *Relationships Between Ego and the Unconscious*. Moscow: AST, 320 pp. (transl into Russian).